

О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИИ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ И НАКОПИТЕЛЬНЫХ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ

В дискуссии о судьбах пенсионной реформы, которые с неожиданной силой вспыхнули в начале 2007 года, было высказано много верных и глубоких мыслей. Наряду с ними, однако, хватало и эмоциональных лозунгов, которые могут смутить неспециалистов, но при внимательном анализе оказываются неверными. Хотелось бы отделить плевелы от пшеницы и поговорить о глубинных проблемах пенсионной реформы.

Высказанный рядом экспертов и представителей пенсионной индустрии тезис о том, что «предложения Минздравсоцразвития России о свер-

Ростислав КОКОРЕВ

*Заведующий сектором фонда «Бюро экономического анализа»,
кандидат экономических наук*

тывании накопительной системы — это ограбление людей», неверен по своей сути. Во-первых, если быть точным, Минздравсоцразвития России формально не предлагает ее свернуть — он предлагает ограничить во времени право перехода в эту систему. Во-вторых, даже если бы идея о переводе пенсионных накоплений «закоренелых молчунов» в страховую часть была принята, это означало бы не отъем денег у застрахованных лиц, а только определенную трансформацию их пенсионных прав.

В течение первых нескольких лет реформы активность населения была действительно невелика: даже с учетом итогов 2006 года лишь около 3,1 млн граждан, имеющих пенсионные накопления, или 5,9% от их общего числа, захотели перевести их в частные финансовые институты. На этом основании Минздравсоцразвития России сделал довольно смелый вывод, что народ осознанно не доверяет частникам и хочет остаться клиентом государства. Отсюда и предложение — дать людям еще несколько лет на раздумье, а потом «закрыть калитку» и полностью перевести

все страховые взносы тех людей, кто не выберет частный финансовый институт, в страховую часть. Проблема государственной управляющей компании снимается, накопления «молчунов» перестают без толку давить на рынок госдолга и обесцениваться. И вроде бы все довольно.

Но на самом деле народу не разъяснили и не разъясняют целый ряд важных вещей — из-за чего он и безмолвствует.

Давайте присмотримся повнимательнее: в чем состоит основная, принципиальная разница между распределительной и накопительной пенсионными системами? На поверхности лежит такой ответ: в накопительной системе мои пенсионные права **фондированы**, то есть имеются какие-то накопления в виде живых денег или (скорее) ценных бумаг, за счет которых мне будет выплачиваться пенсия. А в распределительной системе никаких накоплений нет, и пенсия выплачивается «с колёс» за счет отчислений, которые делают работающие граждане в пользу пенсионеров. Так или нет?

Ответ вроде бы правильный, но он не полон. Более то-

го — он игнорирует очень важное **сходство** между распределительной и накопительной системами. Дело в том, что в обоих случаях *пенсионные права выступают как права требования к определенным лицам*, поскольку накопить себе на пенсию в виде материальных ценностей (хлеба, колбасы, кефира, запасов газа и электроэнергии и т.п.) мы все равно не можем. Но накопительная система позволяет копить эти права в виде ценных бумаг, которые явно (облигации) или неявно (акции) предполагают получение дохода от неких обязанных лиц — компаний-эмитентов, выпустивших эти ценные бумаги. А распределительная система вроде бы не предполагает создания накоплений, но на самом деле, платя взносы в эту систему, мы, работающие люди, **зарабатываем себе пенсионные права на будущее**. И эти наши права суть требования к провайдеру такой пенсионной системы — к государству.

Выходит, что на самом-то деле разница в другом. И там, и там часть цены труда, которую мы добровольно (из полученной зарплаты) или принудительно (в виде налога) отдаем кому-то, служит основой для накопления нами пенсионных прав. Только в одном случае — это требования к большому числу разных хозяйствующих субъектов; требования, имеющие объективную рыночную оценку; требования, позволяющие нам в меру развитости рынка и собственных умственных способностей управлять рисками; требования, которые формируются открытым и прозрачным образом. А в другом случае — это требования к единственному субъекту (государству), которое: (а) в силу своего особого положения на данном рынке может позволить себе быть **непрозрачным и нече-**

стным; (б) в силу своего особого правового статуса может по своему усмотрению и без нашего согласия **изменять правила определения пенсий** (то есть наши пенсионные права), принимая при необходимости соответствующие законы; (в) в силу возможности сочетания многих различных рисков, которыми мы не в состоянии управлять (демографических, политических, макроэкономических и т.д.), может **оказаться фактически неплатежеспособным** по своим обязательствам, и тогда предъявить претензии будет не к кому.

Кстати, если средства накопительной системы вкладывать только в государственные ценные бумаги, как это происходит сегодня с деньгами «молчунов», то возникает своеобразный гибрид распределительной и накопительной систем. Формирование пенсионных прав в этой системе более прозрачно и рыночно (если только рынок государственного долга вообще существует), чем в чистой распределительной системе, — но участники такой системы несут все риски, связанные с особенностями государства как контрагента.

Впрочем, никто не говорит, что накопительная система свободна от рисков. Там есть и риск банкротства эмитента, и риск снижения стоимости активов, и инфляционный риск, а также риски финансовых посредников, которые могут «сбежать с деньгами». Но при инвестировании в бумаги многих разных эмитентов мы существенно снижаем эти риски путем диверсификации, кроме того, эти риски более прозрачны, а значит, управляемы.

С другой стороны, мы ведь и не требуем полного отказа от распределительной системы. Диверсифицировать риски — так

уж диверсифицировать: пусть часть наших пенсионных прав формируется как требования к государству, а часть — как требования к бизнесу. Но надо внятно объяснить людям, какие риски связаны с частным бизнесом, а какие — с государственной распределительной системой, и пусть люди дальше сами решают, в какой пропорции они кому доверяют.

Наверное, можно разрешить людям отказаться от накопительной системы, если они того сознательно захотят **и напишут соответствующее заявление** (а не по умолчанию!) — предварительно всё им дотошно объяснив. В этом смысле предложения Минздравсоцразвития России не являются категорически неприемлемыми. Но тогда логично дать и противоположную альтернативу: разрешить тем гражданам, которые сознательно хотят уйти от государства как пенсионного провайдера, **забрать из ПФР и страховую часть**, присоединить ее к накопительной и перевести ее в частный финансовый институт. Право на базовую пенсию при этом должно остаться неотъемлемым. Ах, у государства в этом случае будет дыра в бюджете ПФР в отношении страховой части пенсии для выплат нынешним пенсионерам? Что ж, придется перекрывать её за счет взносов тех работающих граждан, которые отказались от накопительной части в пользу страховой, либо за счет бюджетных субвенций, как сейчас.

Не забудем при этом, что увеличение страховой части — это палка о двух концах. Да, сегодня оно приводит к росту предполагаемых доходов ПФР и позволяет ему заплатить более высокие пенсии нынешним пенсионерам. Однако вместе с тем это означает и увеличение завтрашних обязательств ПФР —

перед теми людьми, за которых сегодня уплачены эти страховые взносы и для которых при выходе на пенсию они станут базой для расчета их пенсионных прав. А источник выплат — это страховые взносы завтрашних и послезавтрашних работников. Справится ли ПФР с этими обязательствами с учетом ухудшения демографической ситуации, ожидаемого в среднесрочной и долгосрочной перспективе? Не лучше ли вместо увеличения страховой части перенести центр тяжести на развитие накопительных систем?

В этом смысле представляет большой интерес идея, которую в ходе дискуссии о направлении дальнейшего развития пенсионной реформы выдвинули Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) и Национальная ассоциация негосударственных пенсионных фондов (НАПФ). Она состоит в следующем. Финансирование базовой части трудовой пенсии, которое сегодня частично покрывается за счет ЕСН (6% от фонда зарплаты), необходимо полностью переложить на федеральный бюджет. Высвобождающиеся 6% тарифа следует разделить пополам. На 3% можно будет увеличить взносы в страховую часть (больше не надо, чтобы не создать чрезмерной нагрузки на распределительную систему в будущем) и стабилизировать доходы и расходы ПФР в этом компоненте распределительной системы.

А вот вторые 3% можно будет использовать для стимулирования работников самостоятельно копить себе на пенсию по следующей схеме. Если работник выбирает себе НПФ и поручает работодателю переводить туда 3% от своей зарплаты, то работодатель будет в дополнение уплачивать на его счет

в этом НПФ еще 3% — те самые, которые остались от перераспределения ЕСН. Этот механизм предлагается назвать дополнительным пенсионным обеспечением — ДПО. Если же работник не хочет участвовать в ДПО, то работодатель отправляет свои 3% по прежней схеме — как ЕСН на финансирование базовой части трудовой пенсии.

Эта внешне громоздкая система, на наш взгляд, будет тем не менее эффективной, поскольку создает для работника стимул самому формировать свои пенсионные накопления, а для работодателя — возможность позаботиться о работнике, не увеличивая своих общих расходов на пенсионные цели. Еще одним положительным эффектом от введения системы ДПО может стать частичное решение проблемы «молчунов»: ведь если человек выбрал себе НПФ для дополнительного пенсионного обеспечения, ему легче будет выбрать этот же или другой фонд и для обязательного пенсионного страхования.

В заключение хочется остановиться еще на одном моменте. Несомненно, правы те, кто говорит, что накопление финансовых активов само по себе не решает проблемы благосостояния пенсионеров: ведь для потребления им будут нужны материальные блага, так что в конечном счете их благосостояние будет завязано на объем и структуру производимого ВВП. Но еще Маркс учил, что между производством и потреблением находится **распределение**. И от того, как оно будет устроено, очень существенно зависит вопрос о том, кто и что будет потреблять.

Одно дело, когда государство отбирает часть произведенного продукта у тех, кто его про-

извел, и отдает пенсионерам, приговаривая: «Стариков любить надо, вот сам состаришься — поймешь, как это важно», неважно, происходит ли этот отбор в форме прямой продрозверстки или в форме налога типа ЕСН. При такой организации отношений человек гораздо хуже осознает, что в этой форме он копит себе пенсионные права как требования к государству или к его пенсионному фонду. И совсем другое дело, когда пенсионеры, заработавшие себе деньги при помощи инвестиций в ценные бумаги, спокойно предъявляют свой отложенный спрос на разные материальные блага, а работающие люди на это смотрят и сами откладывают часть своих доходов в добровольные или обязательные накопительные системы. Разная психология, разное отношение к процессу накопления!

И наконец, напомним, что длинные пенсионные деньги становятся долгосрочным инвестиционным ресурсом и работают на увеличение «общественного пирога», в дележе которого участвуют как работники, так и пенсионеры.

Итак, накопительная система отличается от распределительной не столько накоплением как таковым — обе системы предполагают то или иное накопление пенсионных прав, — сколько тем, что *в рамках накопительной системы определение пенсионных прав происходит более четким и прозрачным образом, чем в распределительной системе*. Поэтому накопительную систему во всех ее разновидностях надо не ограничивать и свертывать, а всячески развивать, стимулировать и пропагандировать ее значимость среди широких слоев населения. ■